

Рецензируемая книга тематически и идейно связана с монографией [1]. Однако по сравнению с последней проблема функциональной стратификации языка ставится здесь более широко и решается на материале многих языков в современном их состоянии и в исторической ретроспективе (соответственно этому книга делится на две главы: главу I — «Варианты функциональной стратификации современных языков» и главу II — «Вопросы реконструкции функциональных парадигм»).

В основе исследования лежит единая научная концепция, предполагающая общность исходных понятий и принципов. Одно из основных понятий — функциональная парадигма — было определено еще в [1] как «модель, отражающая иерархическое построение системы форм существования конкретного языка» [1, с. 4]. В рецензируемой книге это понятие развито и «наполнено» типологически разнообразным языковым материалом.

В качестве исходных установок при изучении функциональной парадигмы авторы принимают следующие положения: (1) функциональная парадигма многих современных языков динамична, компоненты ее подвижны в социальном и территориальном отношениях; чтобы выявить все существенные свойства таких динамичных парадигм, необходимо (2) сочетать собственно лингвистический анализ с анализом историко-культурных и социальных условий, в которых функционирует язык в ту или иную эпоху, и (3) привлекать для изучения максимально широкий спектр данных, включая тексты разнообразных жанров, свидетельства современников, оценки фактов языка говорящими и т. п. Ориентация на такой комплексный подход к изучению функциональной стратификации языков как на современном этапе их развития, так и особенно в прошлом их состоянии характерна для всех разделов книги.

Авторам удалось установить ряд общих закономерностей, присущих функциональным парадигмам различных языков. Для современного состояния парадигм характерны такие черты: 1) отсутствие жестких границ между различными формами существования языка; 2) интенсивное взаимодействие литературного языка, территориальных и социальных диалектов и связанная с этим постепенная утрата узкоспецифических черт; 3) образование промежуточных подсистем (полудиалектов); 4) мощное влияние литературного языка на все другие подсистемы, нивелировка их; 5) возрастание полифункциональности литературных

языков; 6) территориальная и социальная вариативность литературных языков, связанная с расширением и качественными изменениями состава их носителей, и некот. др.

Наряду с этими общими свойствами функциональных парадигм каждый из авторов демонстрирует и специфические черты тех или иных языков (или групп языков) в их функциональном членении.

Так, Н. И. Толстой, давая сравнительную характеристику функциональных свойств современных славянских литературных языков, кладет в основу этой характеристики систему признаков, в которой находят отражение два типа противопоставлений: 1) синхронии и диахронии (ср. признаки группы А и Б, учитывающие соответственно отношения литературного языка с другими формами существования национального языка и особенности его исторического развития и 2) языка и культуры (ср., с одной стороны признаки групп А и Б и, с другой, групп В и Г: последние описывают культурный и этнический контекст существования литературного языка). Прилагая эти признаки к различным славянским литературным языкам, автор показывает их несходство по соотношению с диалектной базой, по степени близости к народно-поэтическому койне, по наличию / отсутствию разговорно-обиходной разновидности, территориальных вариантов, по степени нормативности и стабильности нормы и т. п.

В связи с указанной системой признаков, необходимых для описания функционального членения различных языков, возникают два вопроса: 1) не следует ли среди этих признаков предусмотреть не только территориальную вариативность литературного языка (см. п. А4 на с. 15), но и вариативность социальную? Ведь в современных условиях, как пишет и сам автор, «число носителей литературного языка [во многих странах. — К. Л.] очень резко возросло» (с. 21), что обуславливает, несомненно, большую его гетерогенность, чем при сравнительно узком круге носителей. Это порождает и второй вопрос: 2) не следует ли учесть в качестве одного из признаков, по-разному характеризующих различные литературные языки, такой: стабильность / нестабильность во времени социального состава носителей литературного языка? Очевидно, что литературный язык с традиционно устойчивым социальным составом носителей более гомогенен, чем литературный язык, состав носителей которого меняется во времени [2].

Неоднородным состав носителей лите-

ратурного языка может быть и синхронно. В этом отношении интересный случай несовпадения лингвистического и социального статусов языка демонстрируют современные урду и хинди: если, как показывает В. А. Червышев, в лингвистическом плане это «две [литературные.— К. Л.] формы единого разговорного языка», то в плане социальном они «все более выступают как два самостоятельных языка, на которых говорят различные, весьма значительные группы главным образом городского населения» (с. 26).

Динамичность, неустойчивость функциональной парадигмы современного английского языка в США подчеркивает А. Д. Швейцер. Из анализа различных территориальных, социальных, этнических и др. форм существования американского варианта английского языка (более подробно этот анализ представлен в [3]) он делает вывод о том, что «для системы этих форм в целом характерно состояние „неустойчивого равновесия“, отсутствия четких границ между ее компонентами», вследствие чего в современных условиях «явно ощущается ограниченность объяснительной силы статических моделей языковой ситуации, которые должны быть дополнены ее динамическим описанием» (с. 53).

Л. И. Баранникова обсуждает вопрос о месте разговорной речи (РР) в функциональной парадигме русского языка. Дискуссионность этого вопроса хорошо известна: одни исследователи считают РР одним из функциональных стилей литературного языка (см., например [4]), другие указывают на самостоятельность и «самодостаточность» этой языковой подсистемы [5, 6]. Автор противопоставляет РР как речь «принципиально устную» (с. 62) всем функциональным стилям литературного языка и показывает, что предпосылки к формированию нового типа речи, «который сочетал бы в себе живость, непринужденность, творческую активность просторечия и набор необходимых средств... для выражения более сложных [чем бытовые.— К. Л.] понятий» (с. 58), были уже в начале XIX в., однако полностью РР как самобытная разновидность русского литературного языка оформилась позднее. Носителями ее являются культурные слои общества, и это отличает русскую РР от похожих форм существования других языков.

Так, например, она не похожа на разговорную форму чешского литературного языка, для которой характерна кодифицированность, и в то же время функционально не совпадает с обиходно-разговорным чешским языком (*obecná čestina*): как показывает Г. П. Нецимекко, *obecná čestina* используется «большой частью чехословацкого населения» (с. 70), незав-

симо от социальных и культурных различий говорящих. Характерными для чешской языковой ситуации Г. П. Нецимекко считает следующие процессы: 1) пивелировку региональной маркированности языковых разновидностей; 2) укрепление позиций литературного языка в коммуникативной сфере официального общения; 3) возрастание значимости устной коммуникации (с. 76—79), а также тенденцию к взаимопроникновению различных подсистем чешского национального языка, что обуславливает появление «смешанных текстов», где литературная лексика соединяется с фонетическими и морфологическими элементами обиходно-разговорного языка (с. 82 и сл.).

Заметим, что указанная тенденция в большей или меньшей степени характеризует развитие многих современных языков, даже таких, в которых сильны традиции достаточно жесткого разграничения языковых средств в зависимости от территориальной и социальной неоднородности говорящих. Например, в современной Японии, — пишет В. М. Алпатов, — «благодаря влиянию школы и средств массовой коммуникации системой литературного языка в той или иной степени владеют практически все» (с. 87). Исследователь указывает, что коммуникативная роль диалектов и полудиалектов уменьшается и что подавляющее большинство сфер и ситуаций общения обслуживается литературным языком, в котором наблюдается варьирование — в зависимости от формы реализации (устная и письменная разновидности) и от типа ситуаций (ситуации с определенным и ситуацией с неопределенным адресатом значительно различаются, в частности — по набору используемых форм вежливости, составляющих, как известно, специфическую черту японского языка [7]).

Знакомство с разделами о функциональном членении современных адыгских языков (З. Ю. Кумахова и М. А. Кумахов), таджикского (А. А. Керплова), суахили (И. С. Рябова) и хауса (В. Я. Порхомовский) убеждает в том, что характер функциональной парадигмы языка в значительной мере обусловлен уровнем культурного и социального развития общества, обслуживаемого данным языком, а также глубиной и разработанностью книжно-письменной традиции: чем «моложе» эта традиция, тем менее определены отличия литературных форм языка от диалектных и полудиалектных, тем слабее внутренняя функционально-стилистическая дифференциация литературного языка. Ср. в этом отношении наблюдения З. Ю. и М. А. Кумаховых над современными адыгскими языками, где «между диалектом и разговорной речью нет чет-

ких границ» (с. 100), где «представители интеллигенции (причем не только сельской) в качестве повседневной, обиходно-разговорной речи широко используют диалект» (с. 101) и где литературные языки «оформились прежде всего как языки художественной литературы» (с. 103), а другие их стилистические разновидности (ср. научный, официально-деловой, публицистический стили) развиты, по видимому, в меньшей степени (авторы статьи об адыгских языках оставляют в тени вопрос о том, каковы функции адыгских литературных языков сейчас). Весьма показательна также трехчленная парадигма таджикского языка (литературный язык, диалекты, разговорный наддиалектный язык) с достаточно высокой коммуникативной и социальной значимостью диалектов: на диалектах говорят представители не только сельского, но и городского населения.

По поводу используемого в разделах о таджикском и адыгских языках термина «разговорная речь» следует заметить, что он имеет иное содержание, нежели тот же термин, применяемый, скажем, в отношении соответствующей разновидности русского языка. В последнем случае это разновидность литературного языка [никакой связи с диалектами, тем более, бесспорной, как полагают З. Ю. Кумахова и М. А. Кумахов (с. 99), у русской разговорной речи нет]; в первых же двух мы имеем дело с особой наддиалектной формой устной речи, не входящей в систему литературного языка. Это различие в достаточной степени не подчеркнуто в разделе об адыгских языках.

Ситуации в суахилиязычных (Танзания и Кения) и хаусаязычных (Нигерия и Нигер) странах характеризуются социальной ограниченностью круга лиц, владеющих литературной формой этих языков, их этнической неоднородностью, а также наличием индигенизированных вариантов языка.

В качестве общего замечания к главе первой следует сказать, что редактор книги избрал, на мой взгляд, не самый лучший вариант композиции этой главы: разделы, написанные Н. И. Толстым, Г. П. Нецименко и, отчасти, Л. И. Баранниковой, посвященные функциональной типологии славянских языков, имеют ряд точек сопоставления, в связи с чем естественно было бы поместить эти разделы друг за другом, а не «прославить» их разделами, описывающими совершенно иные (и, кроме того, различающиеся между собой) языковые ситуации в Индии и в США. То же относится и ко второй половине этой главы: параграфы о суахили и о хауса, близкие по материалу и по выявленным закономерностям в функционировании этих языков, разобщены, как и

параграфы об адыгских и о таджикском языках.

Вторая глава посвящена проблеме реконструкции функциональных парадигм. Авторы этой главы опираются на положение, согласно которому «общая типология языковых ситуаций должна быть ориентирована не только на современные закономерности, но и на функциональные системы, существовавшие в более ранние исторические эпохи» [1, с. 9].

Для разделов, составляющих эту главу книги, характерны две особенности: с одной стороны, авторы показывают, что, несмотря на ограниченность сведений о прошлом состоянии языков, реконструкция их функциональных парадигм не только возможна, но и вполне успешно осуществляется. С другой стороны, обращает на себя внимание трезвость в оценке возможностей такой реконструкции, понимание ограниченности результатов, получаемых на этом пути исследования (см. в этом отношении с. 7—9, 160—161, 164, 168, 180 и др.).

Общими для эволюции функциональных парадигм многих языков оказываются такие черты: 1) развитие этих парадигм от двучленной структуры (обработанные/необработанные формы языка) — к трехчленной (литературный язык — диалект — полудиалект) и далее к многочленной: каждый из двух компонентов исходного противопоставления (обработанные/необработанные формы) претерпевает дальнейшее расслоение, функциональную, социальную и территориальную дифференциацию; 2) развитие от четкого размежевания различных подсистем, что было характерно для функциональных парадигм в прошлом, к размыванию их границ, к их взаимопроникновению.

Авторы некоторых разделов обращаются к довольно отдаленным эпохам развития языков (ср. изучение А. Г. Беловой функционального членения арабского языка I тысячелетия н. э. и М. Н. Славянской — языковой ситуации в Греции III в. до н. э.). Тем не менее, анализ сохранившихся текстов, а также широкого культурного и социального фона, на котором происходило взаимодействие различных форм этих языков, позволяет сделать определенные выводы о строении соответствующих функциональных парадигм [в арабском — четырехчленная парадигма: древнеарабские диалекты — городские полудиалекты — эпиграфический язык — поэтический язык; в греческом — множественность признаков, по которым обработанные формы языка противопоставлялись необработанным (по типу репрезентации: письменная/устная; по соотношению диалектов: аттический диалект как социально наиболее престижный, «эталонный»/все остальные диалекты;

но социальной дифференциации носителей: язык образованных/язык низов, язык культурных центров/язык периферии)].

Авторы параграфов о немецком (Н. Н. Семенов), португальском (Е. М. Вольф), французском (И. И. Чельшева) и нидерландском (С. А. Миронов) языках исследуют примерно один и тот же период в развитии этих языков — XV—XVI вв. Этот период был отмечен рядом значительных изменений в социальной жизни многих европейских государств и народов, и эти изменения не прошли бесследно для развития соответствующих языков. Так, Н. Н. Семенов в статье, которая содержит положения, представляющие общетеоретический интерес (таковы, например, сформулированные автором требования к стратегии восстановления функциональных парадигм языка: см. с. 157—159, 168), воссоздает картину соотношения различных форм существования немецкого языка, привлекая к анализу не только данные текстов и словарей, но и сведения, характеризующие культурно-исторические условия развития языка. Е. М. Вольф показывает, что миграционные процессы, в центре которых находился Лиссабон XVI в., а также инфильтрация в португалоязычную среду определенных социальных групп испанцев способствовали сосуществованию разных форм португальского литературного языка и активному испанско-португальскому двуязычию в некоторых социальных слоях и в литературе (см. с. 172 и сл.). Социальные факторы обуславливали также дифференциацию португальского языка этой эпохи: в нем выделялись общий язык, образцовый язык, специальные языки, местные говоры и пиджинизированные формы просторечного и арготического характера. И. И. Чельшева отмечает сосуществование во Франции XV в. двух литературных языков — французского и латыни, при этом французский язык постепенно вытеснил латынь и приобрел свойства полифункционального коммуникативного средства. Автор обращает внимание также на изменения в статусе диалектов: утрачивая узколокальные черты, территориальный диалект феодального общества превращается в территориально-социальный диалект (с. 216). С. А. Миронов при восстановлении функциональной парадигмы нидерландского языка XVI—XVII вв. приходит к выводу, что, в отличие от средненидерландского периода, когда существовала двухкомпонентная парадигма (литературный язык — диалекты), в это время «уже складывается трехчленная функциональная парадигма, выделяющая три страта: низший — диалект..., промежуточный — городское койне..., и

высший — литературный язык» (с. 229). При этом городское койне и литературный язык выступают в нескольких ареальных и региональных разновидностях.

Раздел о функциональной парадигме древнеуйгурского языка (автор — Э. Р. Тенишев) несколько отличается от остальных статей рассматриваемой главы тем, что автор уделяет основное внимание анализу собственно языкового материала и, в частности, структурных свойств древнеуйгурского литературного языка. Реконструкция литературного языка и территориальных диалектов осуществляется на базе письменных источников, по которым Э. Р. Тенишев устанавливает наиболее характерные черты выделяемых стратов. Закljučая статью, Э. Р. Тенишев пишет о том, что восстановление функциональной парадигмы языка «не отличается чем-либо существенным от реконструкции языковых элементов в обычном смысле (так же, как и сама процедура реконструкции)» (с. 201). Этот вывод кажется противоречащим тому, что сказано Н. И. Толстым: «если, применяя сравнительно-исторический метод [в исследовании внутренней структуры языков.— *И. И.*], мы в абсолютном большинстве случаев исходим из прасостояния», то «при изучении функциональной стратификации языка... исходной основой (моделью), как правило, служит современное состояние» (с. 13). Независимо от того, кто из этих двух авторов прав (предпочтительной все же представляется точка зрения Н. И. Толстого), подобное противоречие едва ли допустимо в работе, опирающейся на единую теоретическую концепцию в отношении объекта и методики исследования.

Логика построения второй главы также вызывает некоторые возражения. Разделы о немецком и нидерландском языках, близкие по материалу и наблюдаемым закономерностям в соотношении компонентов их функциональных парадигм, разобщены. То же следует сказать относительно разделов о португальском и французском языках. Вместе эти четыре раздела характеризуют функциональное членение языков западноевропейского ареала приблизительно в одну и ту же эпоху и в сопоставимых социальных условиях. Решение редактора «вклинить» между этими разделами статьи, посвященные греческому и древнеуйгурскому языкам, не представляется убедительным.

В заключении предпринята успешная попытка наметить основные виды функционального членения языков. Единство принципов изучения и последовательность их применения при анализе функциональных парадигм конкретных языков дают возможность выявлять если не

универсальные, то во всяком случае достаточно типичные черты этих парадигм.

Подытоживая рассмотрение коллективного труда «Функциональная стратификация языка», следует подчеркнуть, что эта монография является еще одним шагом на пути изучения функционального многообразия языков. Дальнейшие исследования в этом направлении, «каталогизация» функциональных парадигм разного типа, их сравнительное изучение создадут необходимые предпосылки к построению функциональной типологии языков. Начало этой типологии положено рецензируемой книгой.

Крысин Л. П.

ЛИТЕРАТУРА

1. Типы наддиалектных форм языка. М., 1981.
2. Русский язык и советское общество. Кн. I—IV / Под ред. Панова М. В. М., 1968.
3. Швейцер А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М., 1983.
4. Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.
5. Русская разговорная речь. М., 1973.
6. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы, словообразование, синтаксис. М., 1981.
7. Алпатов В. М. Категория вежливости в современном японском языке. М., 1975.

Топоров В. Н. Прусский язык. М.: Наука. [Т. 1]. 1975. 399 с.; [Т. 2]. 1979. 352 с.; [Т. 3]. 1980. 384 с.; [Т. 4]. 1984. 439 с.

Прусский язык, принадлежащий к западнобалтийским языкам, вышел из употребления примерно в начале XVIII в. [1, с. 26]. Первые попытки создания научного словаря этого языка были предприняты еще в прошлом веке. За небольшим словарем, приложенным к грамматике Г. Нессельмана [2], последовал словарь, составленный тем же автором [3] и содержащий, помимо лексики, известной по памятникам, некоторые топонимы и диалектизмы. Словари прусского языка, включающие ряд сведений по этимологии, имеются у Э. Бернекера [4], Р. Траутмана [5], Я. Эндзелина [6] и В. Мажюлиса [7]. Следует упомянуть также исследование топонимов, принадлежащее Г. Герулису [8], и работу Р. Трутмана по личным именам [9].

В. Н. Топоров указывал в предисловии к первому тому, что за этим томом следуют еще три, а также том, в котором будут «подведены итоги исследований в области сравнительно-исторической грамматики и лексики прусского языка». Последний том должен также включать «ряд соображений о месте этого языка среди других балтийских, об отношении к славянскому этнолингвистическому комплексу, о связях с другими н.-е. языками» и о других темах, существенных для понимания прусского языка и народа (с. 3). Однако вышедший четвертый том словаря содержит заключительную часть глосс на *k-* и только первую часть слов на *l-* (до **laid-ik-*). Таким образом, работа явно должна превысить

по объему запланированные пять томов. Сказанное отнюдь не упрек в адрес автора, являющегося, на наш взгляд, одним из самых эрудированных лингвистов современности, а доказательство его желания как можно полнее и подробнее описать прусский язык и через него носителей этого языка — пруссов.

Работа В. Н. Топорова замечательна тем, что она содержит большое число слов, реконструированных на основании польских, немецких и других источников. Таким образом, словарь не только представляет во всей полноте лексику прусского языка, но и приводит данные предшествующих работ в соответствие с результатами новейших исследований. Поскольку носителей прусского языка уже нет, ученым приходится довольствоваться попыткой разгадать прусскую орфографию. В. Н. Топоров пишет, что «отношение графики и фонетики, буквы и звука продолжает оставаться камнем преткновения при решении слишком многих конкретных вопросов прусской грамматики и этимологии» (1, с. 9).

Твердой уверенности В. Мажюлиса и других ученых в адекватности прусской орфографии фонетическому строю языка В. Н. Топоров противопоставляет мнение автора этих строк о неоднозначном отношении между графическим и звуковым рядом, о «посулировании большой степени свободы между ними, допускающей многочисленность вариаций, вплоть до случаев, граничащих с произволом» (1, с. 10). Сам В. Н. Топоров пытается